6.950

73 02/II

ЗАБОТЫ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

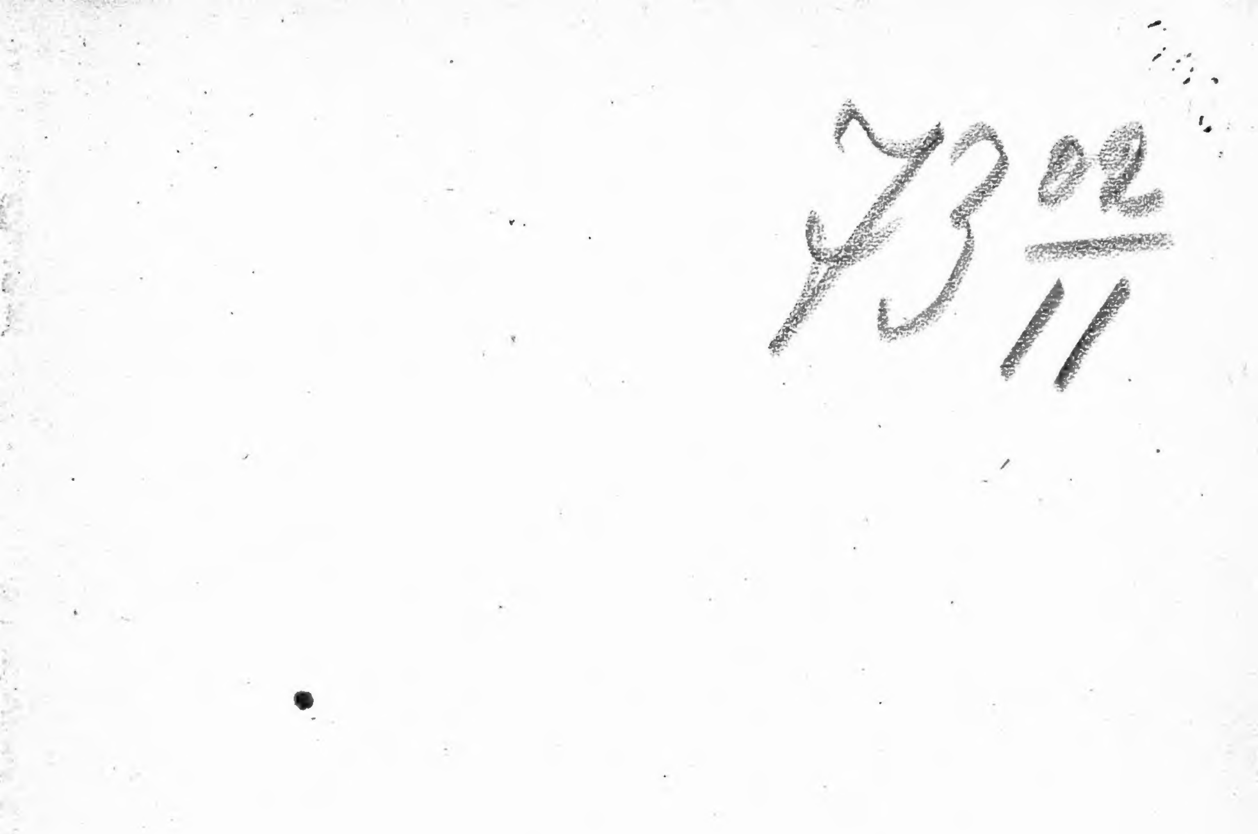
О КАЗАНИ.

РѢЧЬ,

произнесенная ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ въ торжественномъ собранiи Императорскаго Казанскаго университета 12 декабря 1877 г., въ юбилейный день столѣтiя рожденiя Императора Александра I.

КАЗАНЬ.
Типографiя Императорскаго Университета.
1877.

16950

73 02/11

ЗАБОТЫ

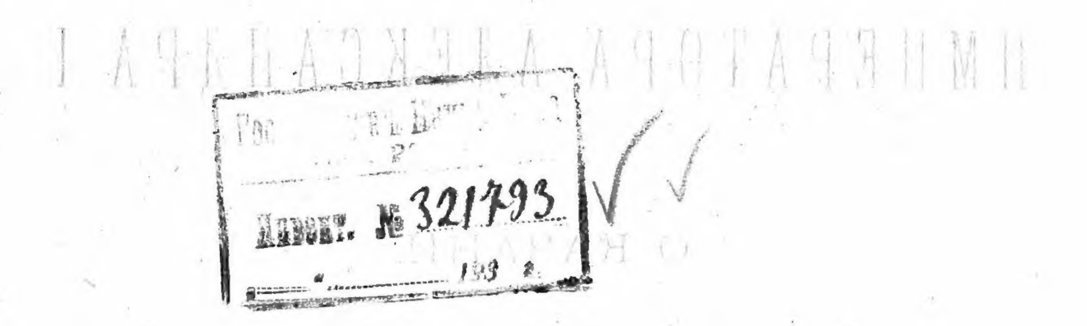
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

О КАЗАНИ.

РѢЧЬ,

произнесенная ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 12 декабря 1877 г., въ юбилейный день столѣтія рожденія Императора Александра I.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1877.

Печатать, по опредѣленію Совѣта Казанскаго университета 1 декабря 1877 года.

Ректоръ университета *Е. Осокинъ.*

Императоръ Александръ I, вступившій на престолъ 12 марта 1801 г., очень скоро долженъ былъ обратить особенное вниманіе на Казань. Оттуда пришла къ нему нерадостная вѣсть: тамъ жестокими истязаніями, пыткою вынуждали признанія отъ предполагаемыхъ преступниковъ. Для изслѣдованія этого дѣла Императоръ послалъ въ Казань флигель-адъютанта бар. Альбедиля, который подтвердилъ справедливость свѣдѣній, дошедшихъ до Государя. Понятно, какъ противорѣчила казанская административно-судебная практика гуманнымъ воззрѣніямъ Александра и его планамъ будущаго государственнаго устройства имперіи, которую онъ въ письмѣ къ своему бывшему воспитателю Лагарпу, черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ, называлъ „своею несчастною страною" (mon malheureux pays) (¹).

Извѣстно, что первыя распоряженія Александра были доказательствомъ его милосердія и стремленія искоренить злоупотребленія администраціи и суда: на третій день по вступленіи на престолъ, 14 марта, онъ издаетъ указъ „О прощеніи людей, содержащихся по дѣламъ, производившимся въ Тайной Экспедиціи" (²); на слѣдующій день послѣдовалъ манифестъ „О Всемилостивѣйшемъ прощеніи бѣглецовъ, укрывающихся въ заграничныхъ мѣстахъ (³)"; 19 марта „О подтвержденіи полицейскимъ чиновникамъ не выходить изъ гра-

---

(¹) Сборникъ Русскаго Историч. Общества т. V. Спб. 1870 стр. 29.

(²) Полн. Собр. Зак. № 19784.

(³) Ibid. № 19786,

ницъ должности своей (1)“; 23 марта „О взысканіи штрафа за неправильное производство суда по формѣ“ (2); 2 апрѣля „Объ уничтоженіи Тайной Экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ, производящихся въ оной, въ Сенатѣ“ (3) и „О облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій“ (4).

По поводу казанскихъ событій послѣдовалъ указъ Сенату 27 сентября 1801 г. слѣдующаго содержанія: „Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ г. Казани, взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался, но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду. Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь. Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ признаніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили Меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ Я въ Казань флигель-адъютанта Моего подполковника Албедиля, чтобы съ извѣстнымъ Мнѣ его безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ доказательствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію

(1) Ibid. № 19799.
(2) Ibid. № 19802.
(3) Ibid. № 19813.
(4) Ibid. № 19814.

Моему, не только утвердило свѣдѣнія до Меня дошедшія, но и удостовѣрило, что не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры".

Повелѣвая Сенату судить виновныхъ въ семъ дѣлѣ, Александръ приказываетъ Сенату: „Сдѣлать повсемѣстно по всей Имперіи найстрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ нисшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной" ([1]).

Такимъ образомъ административно-судебныя злоупотребленія въ г. Казани были причиною изданія, столь важнаго въ исторіи русскаго процесса указа, которымъ окончательно было запрещено употребленіе на судѣ пытки.

Державинъ въ „Гимнѣ Кротости", въ которомъ изображаетъ кротость въ лицѣ Александра, намекаетъ на это событіе:

Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь ([2]).

Объ этомъ казанскомъ событіи, имѣвшемъ такія важныя послѣдствія, у меня имѣются свидѣтельства частныя изъ бумагъ бывшаго дѣлопроизводителемъ по

([1]) Ibid. № 20022.

([2]) Сочиненія Державина съ объяснительн. примѣчаніями Грота, II, 385.

слѣдствію бар. Альбедиля въ Казани, покойнаго Саввы Андр. Москательникова.

Считаю при этомъ священнымъ долгомъ почтить память Москательникова заявленіемъ, что эта была одна изъ замѣчательныхъ личностей своего времени: литераторъ-самоучка, замѣчательный приказный дѣлецъ, юристъ-практикъ и одинъ изъ послѣднихъ представителей масонства въ Казани.

Изъ бумагъ Москательникова оказывается, что, кромѣ потерпѣвшаго казнь несправедливо подозрѣваемаго въ зажигательствѣ мѣщанина Яковлева, ремесленникъ Мухинъ доведенъ былъ произведенными надъ нимъ пристрастными допросами до такой степени разслабленія, что лишился возможности доставать себѣ дневное пропитаніе. Извѣстившимъ о казанскихъ злоупотребленіяхъ оказывается подпоручикъ Унгебауеръ; производившимъ пытки былъ частный приставъ Столбовскій.

1 октября, слѣдовательно черезъ три дня послѣ приведеннаго указа объ уничтоженіи пытки, бар. Альбедиль писалъ Москательникову изъ Москвы, гдѣ находился тогда и Императоръ послѣ коронаціи 12 сентября: „На представленіе мое Государь соизволилъ васъ пожаловать въ титулярные совѣтники (Москательниковъ въ то время былъ губернскій секретарь, слѣдовательно получилъ повышеніе черезъ чинъ); г. подпоручика Унгебауера принять въ службу и опредѣленъ въ штатъ провіантскій; женѣ несчастнаго (Яковлева), также дѣла портнова Мухину назначено по 150 р. ежегодно".

Казанскій военный губернаторъ Пущинъ, который завѣдывалъ и полиціею губернскаго города, гражданскій губернаторъ Мухановъ (¹) и частный приставъ Столбовскій были отрѣшены отъ должностей (²).

(¹) «Казанскіе губернаторы» ст. Пупарева въ Каз. Губ. Вѣдом 1856 г. № 48.

(²) Бумаги Москательникова.

Казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Аплечеевъ. Замѣчательно сохранившееся извѣстіе о разговорѣ Государя съ его приближенными по поводу этого назначенія. Извѣстно, что въ началѣ своего царствованія Александръ обсуждалъ всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики и всѣ новыя мѣропріятія въ „неофиціальномъ комитетѣ“, который составляли гр. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцевъ, гр. Пав. Александр. Строгоновъ и кн. Адамъ Чарторыскій. Государь въ шутку называлъ этотъ комитетъ—comitè du salut public. Гр. Строгоновъ, послѣ каждаго совѣщанія, записывалъ на французскомъ языкѣ у себя дома все, о чемъ говорилось въ комитетѣ. Описывая засѣданіе 18 ноября 1801 г., гр. Строгоновъ говоритъ: „Затѣмъ разсужденіе о государственныхъ дѣлахъ обратилось въ простую бесѣду; говорили о различныхъ предметахъ, и между прочимъ о назначеніи въ Казань губернаторомъ бывшаго полицеймейстера въ Петербургѣ, Аплечеева, удаленнаго отъ мѣста, за 4 мѣсяца предъ тѣмъ, за плохое исполненіе своей должности и страсть къ картамъ. Комитетъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ примѣръ тому, какъ легко подсовывать указы, и какъ человѣкъ, котораго слѣдовало бы отстранить отъ всякой должности, является во главѣ управленія губерніей“ (1).

Аплечеевъ скоро умеръ—въ слѣдующемъ 1802 г., послѣ него губернаторомъ былъ Кацаревъ, который состоялъ въ этой должности только одинъ годъ; въ концѣ 1804 г. былъ назначенъ губернаторомъ Мансуровъ, который управлялъ Казанскою губерніею до смерти своей въ 1814 г. (2)

(1) «Исторія царствованія Императора Александра I» Богдановича, т. I. Приложенія, стр. 54.

(2) «Казанскіе губернаторы» ст. Пупарева въ Каз. Губ. Вѣдом. 1856 г. № 48.

Въ первой половинѣ 1805 г. ревизовалъ Казанскую губернію сенаторъ Пестель (1), а въ 1809 г. сенаторъ Данауровъ. Эти ревизіи не имѣли серьезныхъ послѣдствій; Данаурову ревизія была предоставлена только по поводу его поѣздки въ свое имѣніе въ Казанск. губ. (2).

Другое значеніе имѣла ревизія Казанск. губерніи сенаторами Кушниковымъ и гр. Санти въ 1819 г., при казанскомъ губернаторѣ гр. Толстомъ, преемникѣ Мансурова. Послѣдняя ревизія назначена по особенному случаю. Изъ бумагъ Москательникова видно, что съ 1815 г. въ Казани начинаются между высшими лицами раздоры; несогласіе губернск. предводителя дворянства Киселева съ губернаторомъ гр. Толстымъ довело до принесенія Государю жалобы Киселевымъ отъ имени дворянства. Послѣдствіемъ этого было прибытіе въ Казань сенаторовъ. Гр. Толстой былъ уволенъ отъ должности съ тѣмъ, чтобы оставался въ Казани, пока ревизующіе сенаторы признаютъ это нужнымъ (3).

26 февраля 1820 г. учреждена въ Казани Временная Коммиссія для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по слѣдствіямъ, сенаторами производимымъ. Въ Именномъ указѣ Сенату объ учрежденіи этой Временной Коммиссіи, основанной съ цѣлью не обременять дѣлами Казанск. Уголов. Палату, сказано: „Ревизующіе Казанскую губернію сенаторы тайные совѣтники Кушниковъ и гр. Санти донесли Мнѣ, что при самомъ началѣ ревизіи открыли они по тамошнему Губернск. Правленію важныя упущенія, и продолжающіяся обслѣдованія обнаруживаютъ великія злоупотребленія земской полиціи и самые поборы“. Членами Коммиссіи назна-

---

(1) Ibid.

(2) Спб. журналъ 1809 г., кн. 2, стр. 12.

(3) «Казанскіе губернаторы» ст. Пупарева въ Каз. Губ. Вѣдом. 1856 г. № 48.

чены 6 почетнѣйшихъ дворянъ Казанск. губ., а председателемъ — казанскій дворянинъ дѣйств. ст. сов. кн. Теницевъ, (1) бывшій прежде Казанскимъ вице-губернаторомъ, а потомъ Астраханскимъ губернаторомъ.

Этого кн. Теницева Москательниковъ называетъ первымъ изъ содѣйствовавшихъ губернскому предводителю Киселеву въ доносѣ его и единственнымъ къ тому возбудителемъ, поэтому Москательниковъ съ своей точки зрѣнія справедливо замѣчаетъ, что доносители сдѣлались судьями собственной распри своей съ губернскимъ начальствомъ. Какъ сейчасъ увидимъ, къ подобному убѣжденію скоро пришелъ и Комитетъ гг. министровъ.

Въ 1822 г. былъ отправленъ въ Казань сенаторъ Соймановъ, для прекращенія существующихъ по Казанск. губ. злоупотребленій и безпорядковъ, дабы Соймановъ, дѣйствуя во всемъ на правахъ генералъ-губернатора, оставался въ Казани до совершеннаго устройства губерніи (2).

Тогда же закрыта Временная Коммиссія и дѣла ея переданы въ Казан. уголовную палату (3); для облегченія послѣдней, въ слѣдующемъ году учрежденъ особый Временный Департаментъ Уголовной Палаты (4), въ который были переданы и дѣла Временной Коммисіи, при чемъ Комитетъ гг. министровъ положилъ: „Дабы въ дѣлахъ бывшей Временной Коммиссіи не участвовалъ никто изъ чиновниковъ и дворянъ Казанск. губерніи, по прикосновенности къ онымъ весьма многаго числа и могущихъ быть между ними связямъ, опредѣлить въ Департаментъ всѣхъ чиновниковъ отъ пра-

---

(1) Полн. Собр. Зак. 1820 г. № 28467.

(2) Ibid. 1822 г. № 29098,

(3) «Казанск. губернаторы» ст. Пупарева въ Каз. Губ. Вѣдом. 1856 г. № 48.

(4) Полн. Собр. Зак. 1823 г. № 29376.

вительства, вмѣсто 4 засѣдателей отъ дворянства и купечества, двухъ ассессоровъ одъ короны“ (1).

Саймановъ на правахъ генералъ-губернатора управлялъ Казанскою губернію до 1825 г.; при немъ гражданскимъ губернатомъ былъ преемникъ гр. Толстова Ниловъ. Въ послѣдній годъ царствованія Александра I генер. отъ инфантеріи Бахметьевъ назначенъ Нижегородскимъ, Казанскимъ, Симбирскимъ, Саратовскимъ и Пензенскимъ генералъ-губернаторомъ; но Бахметьевъ вступилъ въ должность уже въ слѣдующемъ году, въ царствованіе Николая, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Нижній-Новгородъ (2).

Къ болѣе важнымъ законодательнымъ распоряженіямъ по управленію Казанск. губ. въ царствованіе Александра I принадлежатъ: Штатъ Казанской губерніи 1803 г. (3), учрежденіе въ 1805 г. въ Казани Комитета для уравненія городскихъ повинностей (4) и Высочайше утвержденный въ 1825 г. проэктъ объ устройствѣ доходовъ и расходовъ полиціи въ г. Казани (5).

Важнѣйшимъ вопросомъ внутренняго управленія для Александра I было улучшеніе состоянія крѣпостныхъ людей. Въ 1803 г. положено основаніе такъ называемымъ свободнымъ хлѣбопашцамъ, когда, по примѣру гр. Серг. Петр. Румянцова, дозволено было всѣмъ желающимъ помѣщикамъ отпускать на волю съ землею своихъ крестьянъ, по заключеніи особыхъ условій, на основаніи Высочайше утвержденныхъ для этого особыхъ правилъ, съ представленіемъ каждый разъ на Высочайшее утвержденіе условій освобожде-

---

(1) Ibid. № 29480.

(2) «Казанск. губернаторы». Ст. Пупарева въ Каз. Губ. Вѣдом. 1856 г. № 48.

(3) Полн. Собр. Зак. 1803 г. № 20660.

(4) Ibid. 1805 г. № 21593.

(5) Ibid. 1825 г. № 30552.

нія. По поводу изданія этого закона сохранились восторженныя сужденія и даже особенная ода, написанная Храповицкимъ; съ другой стороны мы встрѣчаемъ офиціальныя указанія, что этотъ законъ возбудилъ ложные слухи и неудовольствіе помѣщиковъ, опасавшихся уничтоженія своихъ правъ крѣпостнаго владѣнія. Въ царствованія Александра I послѣдовало болѣе 150 случаевъ освобожденія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, но въ Казанской губерніи встрѣчается только одинъ случай—освобожденіе въ 1824 г. въ Лаишевскомъ уѣздѣ Жеребцовымъ 186 душъ съ платою 75,000 р. (1).

Но не одинъ разъ въ это царствованіе правительствомъ были замѣчены безпорядки въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. Въ „Исторіи Минист. Внутр. Дѣлъ“ Варадинова упоминаются неповиновеніе крестьянъ въ 1810 и 1823 г., фабричныхъ и заводскихъ людей въ 1820 г. и жестокіе поступки помѣщиковъ съ крестьянами въ 1817, 1818 и 1819 г.

Къ внутреннему управленію принадлежатъ и правительственныя мѣры на пользу развитія промышленности. При слабомъ и одностороннемъ развитіи народной промышленности считается полезнымъ учрежденіе самимъ правительствомъ новыхъ промышленныхъ заведеній, которыя имѣютъ цѣлью не столько обогащеніе казны, сколько служить примѣромъ для подобныхъ учрежденій частными лицами. Съ такою цѣлью въ 1810 г. были изданы Высочайше утвержденныя правила для учрежденія въ Казанск. губ. 10 казенныхъ поташныхъ заводовъ (2). Съ цѣлью ознакомленія правительства съ состояніемъ фабричной и заводской промышленности въ Россіи, въ 1811 г. былъ командированъ въ нѣкоторыя губерніи, въ томъ числѣ

---

(1) «Крестьяне собственники въ Россіи» В. Вешнякова. Спб. 1858 г.

(2) Полн. Собр. Зак. 1810 г. № 24448.

и въ Казанскую, сенаторъ Аршеневскій. Объѣзжая губерніи, Аршеневскій не только собиралъ свѣдѣнія о состояніи заводско-фабричной промышленности, но и преподавалъ разныя наставленія къ усовершенствованію фабрикъ и заводовъ введеніемъ машинъ, новыхъ способовъ работъ, лучшихъ матеріаловъ и т. п. По возвращеніи своемъ въ 1812 г. изъ путешествія Аршеневскій представилъ Государю образцы нашихъ мануфактурныхъ издѣлій. Въ числѣ найденныхъ сенаторомъ замѣчательными заведеніями указаны двѣ суконныя фабрики, кожевенные и мыльные заводы въ Казани ([1]).

Въ царствованіе Александра I было обращено вниманіе и на сохраненіе такъ называемыхъ корабельныхъ лѣсовъ: въ 1818 г. въ Казани было учреждено Правленіе Низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ. При торжественномъ открытіи этого правленія управляющій онымъ Озерскій говорилъ рѣчь, въ которой объяснилъ значеніе новаго учрежденія: „Такъ называемый Низовый край, 8 губерній составляющій, отъ природы изобиленъ лѣсами твердаго качества; отсюда со временъ Петра Великаго—болѣе столѣтія доставляются лѣса къ Балтійскому и другимъ портамъ Россіи. Приготовленіе въ цѣлый вѣкъ таковыхъ твердыхъ лѣсовъ показало, что лѣса сего рода, цѣлыми вѣками въ совершенный возрастъ и годность къ кораблестроенію достигающіе, мало по малу истощаются. И такъ, дабы предупредить таковое истощеніе и сохранить въ потомство сіе богатство земли Русской въ равномъ положеніи, Великій Монархъ повелѣлъ учредить Правленіе Низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ въ Казани, учредилъ особые штаты; издалъ особое положеніе; короннымъ крестьянамъ, такъ называемымъ лашманамъ, съ 1718 г. къ заготовленію

([1]) «Исторія Минист, Внутр. Дѣлъ» Варадинова. ч. II, кн. I, стр. 140, 208, 210—212.

корабельныхъ лѣсовъ приписаннымъ, Всемилостивѣйше даровалъ разныя льготы: избавилъ ихъ отъ рекрутской повинности и удвоилъ плату прежде имъ опредѣленную“ (¹).

Въ 1812 г. въ Казани былъ основанъ новый казенный заводъ—литейный, для отлитія мѣдныхъ орудій; до этого времени въ Россіи существовали только два такихъ завода—С.-Петербургскій и Брянскій. Мѣстоположеніе Казани вполнѣ соотвѣтствовало цѣлямъ завода: Казань находится въ центрѣ родины металловъ—Сибири и Западн. Россіи, въ странѣ богатой лѣсомъ; близость къ Волгѣ представляла возможность удобной доставки матеріаловъ на судахъ, особенно во время весенняго половодья, когда всѣ необходимые матеріалы могли доставляться къ самой крѣпости, въ которой и былъ устроенъ литейный заводъ. Литье орудій началось съ 1813 г. и продолжалось только до 3 сентября 1815 г., до истребленія завода страшнымъ пожаромъ, о которомъ будемъ говорить далѣе (²).

Извѣстно значеніе удобныхъ путей сообщенія и почты для внутренняго государственнаго управленія и народной промышленности, по этому послѣдовавшее въ 1816 г. учащеніе дней отхода почты изъ Москвы въ Казань и обратно, и основаніе въ 1823 г. перваго пароходнаго Общества для судоходства по Волгѣ и Камѣ составляютъ важную эпоху въ исторіи здѣшняго края. Въ Именномъ указѣ министру внутр. дѣлъ сказано: „Хожденіе почтъ изъ Москвы до Казани чрезъ Нижн. Новгородъ и обратно, изстари установлено было, по причинѣ малозначущей корреспонденціи по одному токмо разу въ недѣлю; но при умноженіи на-

---

(¹) «Казанскія Извѣстія» 1818 г. № 26.

(²) «Казанская Исторія» Н. Баженова. Каз. 1847 г., ч. II, стр. 111—113.

родонаселенія и промышленности въ томъ краю, распространившіяся нынѣ сношенія между обывателями онаго, и паче увеличившаяся торговля по причинѣ толико нынѣ славящейся Макарьевской ярмарки, въ Нижегородск. губ. бывающей, требуютъ необходимо и усугубленія способовъ къ пересылкѣ писемъ и денегъ чрезъ почту, а потому и Повелѣваю, согласно представленію вашему, нынѣ же учредить хожденіе почтъ изъ Москвы чрезъ Нижн. Новгородъ до Казани и обратно по два раза въ недѣлю" (1).

Въ 1823 г. съ Высочайшаго соизволенія предоставлено оберъ каммергеру Нарышкину, генералъ-лейтенантамъ гр. Воронцову и гр. Комаровскому, тайн. сов. Нессельроде, дѣйств. ст. сов. Уварову (впослѣдствіи графу и министру народн. просвѣщенія) и тит. сов. Евреинову составить общество акціонеровъ пароходства по Волгѣ, Камѣ и Каспійскому морю на 15 лѣтъ (2). Справедливо замѣчаетъ историкъ министерства внутр. дѣлъ Варадиновъ, что учрежденіе этой первой пароходной компаніи замѣчательно, какъ по важности и новости предпріятія, такъ и по значенію самыхъ учредителій его (3).

Императоръ Александръ неоднократно оказывалъ г. Казани милости, жертвуя на это значительныя суммы.

Главный соборный храмъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, построенный при царѣ Ѳед. Ивановичѣ, существовалъ 205 лѣтъ; въ царствованіе Екатерины II опредѣлено было разобрать его и на томъ же мѣстѣ построить новый, по утвержденному Государынею плану. Но во время пребыванія Павла I въ Казани въ 1799 г., по вновь утвержденному плану, въ присут-

(1) Полн. Собр. Зак. 1816 г. № 26523.

(2) Ib. 1823 г. № 29630.

(3) «Исторія Минист. внутр. дѣлъ» ч. II, кн. 2 стр. 285.

ствіи Павла и сопровождавшихъ его великихъ князей Александра и Константина заложена была новая церковь. Въ томъ же году Высочайше повелѣно выдать на построеніе этаго храма 25,000 р. и въ 1802 г. Александръ I повелѣлъ выдать для этого еще 25,000 и выдавать ежегодно по 20,000 до окончанія постройки. Новый храмъ освященъ въ 1804 г. (¹). Въ 1809 г. Казанскій монастырь былъ возведенъ въ первый классъ и изданы штаты монастыря (²).

Благодаря особенному вниманію Александра и его пожертвованіямъ, былъ сооруженъ и памятникъ въ воспоминаніе убіенныхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Васил. въ 1552 г. Въ 1812 г. архимандритъ Казанскаго Зилантова монастыря Амвросій задумалъ построить этотъ памятникъ въ видѣ столпа на свои собственныя средства съ помощію частныхъ пожертвованій суммою не выше 5000 р. Государь, по представленіи ему плана и фасада памятника на утвержденіе, приказалъ представленный рисунокъ передѣлать. Вновь составленный архитекторомъ Алферовымъ рисунокъ удостоенъ Высочайшаго одобренія и Государь пожаловалъ на сооруженіе изъ своего кабинета 5000 р., къ этому присоединились пожертвованія отъ другихъ членовъ Императорскаго Дома. Сверхъ того Государь повелѣлъ отпускать ежегодно изъ казны до окончанія сооруженія по 5000 р. Къ пожертвованіямъ отъ Царскаго Дома присоединились частныя пожертвованія изъ разныхъ русскихъ городовъ, такъ что на постройку памятника употреблено 100315 р. Въ 1823 г. памятникъ былъ оконченъ и освященъ по воспослѣдовавшему на то Высочайшему соизволенію (³).

(¹) «Краткая исторія г. Казани» Рыбушкина Каз. 1834 г. ч. II. стр. 77 «Казанская Исторія» Баженова, ч. II, стр. 108.

(²) Полн. Собр. Зак. 1809 г. № 23887.

(³) «Историч. описаніе памятника» архимандр. Гавріила. Каз. 1833 и Полн. Собр. Зак. 1817 г. № 26633.

Императоромъ Александромъ, который, какъ извѣстно, отличался не только вѣротерпимостью, но и особеннымъ уваженіемъ къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, были оказаны милости при постройки лютеранской церкви въ Казани. Въ Спб. Журнала 1804 г., органѣ министерства внутр. дѣлъ, встрѣчается слѣдующее извѣстіе: „Лютеранское въ Казани общество во изъявленіе чувствованій вѣрноподаннической признательности своей за оказанную ему Высокомонаршую милость освобожденіемъ его отъ платежа, выданной ему изъ казны заимообразно на построеніе Лютеранской церкви нѣкоторой суммы, опредѣлило въ учрежденной при церкви сей школѣ обучать своимъ иждивеніемъ бѣдныхъ сиротъ и содержать ихъ до совершеннолѣтія. Благонамѣренному Обществу сему, за таковой похвальный его поступокъ, изъявлено Монаршее благоволеніе“ (1)

Въ 1815 г. Казань потерпѣла страшное бѣдствіе: 3 сентября этого года болѣе половины города погибло отъ пожара.

Пожаръ, начавшійся отъ Варлаамской церкви въ 9 часу утра и продолжавшійся почти сутки, при страшной бурѣ, свирѣпствовавшей въ то время, распространялся все болѣе и болѣе: огонь вдругъ обнималъ домовъ до пяти разомъ или бросался черезъ улицу; черезъ Булакъ онъ перекинулся въ верхнюю часть города и въ самую крѣпость. Сгорѣла вся крѣпость съ башнями и гауптъ-вахтою; каѳедральный Благовѣщенскій соборъ обгорѣлъ внутри и съ соборной колокольни упали колокола; Спасскій монастырь обгорѣлъ снаружи, а монастырскія кельи съ принадлежащимъ имъ строеніемъ совсѣмъ сгорѣли; церковь Капріана и Устины обгорѣла сверху; въ крѣпости погибли также: зданіе присутственныхъ мѣстъ съ дѣлами и архивами, духовная консисторія съ архіерей-

(1) Спб. Журналъ 1804 г., № 5, стр. 152.

скимъ домомъ, литейный пушечный дворъ съ артиллерійскимъ арсеналомъ, соляные амбары, въ которыхъ хранилось болѣе 235,000 пудовъ казенной соли, военный казаматъ, домъ, бывшій нѣкогда комендантскимъ, Сумбекина башня и возлѣ нея старинная церковь, бывшая прежде мечетью. Внѣ крѣпости сгорѣли: три собора Успенскій, Владимірскій и Петропавловскій; монастыри Іоанновскій, Ѳедоровскій и въ Казанскомъ дѣвичьемъ— всѣ кельи и церковь надъ вратами; сгорѣло 11 церквей и значительное большинство казенныхъ и общественныхъ зданій: домъ вице-губернатора, духовная академія и при ней семинарія, почтамтъ, гимназія, главное народное училище, дома Приказа Обществ. Призрѣнія, новое, только что выстроенное большее зданіе Дворянскаго Собранія, большой гостиный дворъ о 16 рядахъ, но, къ счастью, большая часть товаровъ была вывезена и уцѣлѣла, сверхъ гостинаго двора, на другихъ мѣстахъ сгорѣло еще 17 рядовъ лавокъ, погорѣлъ строевой и дровяной лѣсъ у р. Казанки, три моста черезъ Булакъ и одинъ чрезъ Казанку. Всего сгорѣло до 1500 домовъ, въ томъ числѣ 158 каменныхъ. Пожарище въ окружности представляло около 11 верстъ. Во Владимірскомъ соборѣ погибли соборный протоіерей, его жена, дочь и одна женщина съ ребенкомъ; и въ другихъ мѣстахъ многіе лишились жизни. Половина Булака навалена была имуществомъ гражданъ, сгорѣвшимъ послѣ. Народъ, расположившійся съ имуществомъ у озеръ Кабана и Чернаго, на Арскомъ полѣ, за Казанкою и Ямскою слободою къ Волгѣ и Бакалдѣ, представлялъ лагери или станы кочевниковъ (¹).

При такомъ бѣдствіи была одна надежда на царскую милость. Прибавленіе къ Казанскимъ Извѣстіямъ 5 сентября, въ которомъ было первое извѣстіе о пожарѣ, вышло съ траурнымъ ободкомъ; здѣсь было сказа-

---

(¹) «Казанскія Извѣстія» 1815 г. № 72—74, 77, 82, 83, 87.

но: „Величавая, обширная, цвѣтущая и торговая Казань пала: при власти Божіей время одно и чадолюбіе и сердолюбіе и щедроты человѣколюбивѣйшаго Монарха могутъ развѣ привести ее въ прежнее положеніе“.

Надежды на царя не обманулись: воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о взятіи изъ капитала Коммиссіи духовныхъ училищъ 100,000 рублей на вспоможеніе потерпѣвшимъ отъ пожара мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства; предписано епархіальнымъ архіереямъ пригласить подвѣдомственныя имъ лица къ пособію пострадавшему казанскому духовенству и съ согласія прихожанъ удѣлять изъ церковныхъ доходовъ на вспоможеніе потерпѣвшимъ и на возобновленія церквей; въ С.-Птб., съ Высочайшаго разрѣшенія, подъ руководствомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго синода кн. Голицына, учреждена подписка добровольныхъ приношеній въ пользу жителей Казани. Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна и великая княгиня Анна Павловна были первыми жертвовательницами [1].

По Высочайшему повелѣнію былъ посланъ въ Казань сенаторъ Кушниковъ, для доставленія жителямъ Казани нужныхъ отъ правительства вспоможеній [2]. Къ сенатору Кушникову въ Казани кн. Голицынъ пересылалъ получаемыя имъ суммы; Кушниковъ получалъ пожертвованія и непосредственно. О лицахъ, получившихъ отъ сенатора Кушникова вспоможествованія, печаталось въ Казанск. Извѣстіяхъ; купцамъ, мѣщанамъ и цѣховымъ пособія давались по назначенію городскаго головы. Кушниковъ пробылъ въ Казани два мѣсяца, послѣ его отъѣзда пожертвованія чрезъ кн. Голицына и отъ другихъ лицъ и мѣстъ получалъ казанскій губернаторъ гр. Толстой и раздавалъ по-

(1) Ibid. № 84.
(2) Ibid. № 89.

собія въ соприсутствіи дѣйствительнагѳ каммеръ-гера Мусина-Пушкина, губернскаго предводителя Киселева и градскаго головы Суханова ([1]). По открытію въ 1816 г. Казанскаго Попечительнаго Комитета о бѣдныхъ раздача этихъ пособій возложена на Комитетъ ([2]). Въ 1818 г. послѣдовало Высочайшее распоряженіе о прекращеніи сборовъ добровольныхъ приношеній въ пользу потерпѣвшихъ отъ пожара въ Казани ([3]).

Казань постепенно возрождалась изъ пепла и обновленныя казенныя заведенія прославляли щедроты Монарха.

16 января 1816 г., по обстроеніи духовной академіи, происходило торжественное открытіе ученія, при чемъ говорились посѣтителямъ рѣчи. Ректоръ академіи архимандритъ Епифаній въ рѣчи своей сказалъ: „И нашъ вертоградъ наукъ, бурнымъ пламенемъ пояденный, Его Монаршими Отеческими щедротами паче всякаго чаянія толь скоро возникъ изъ пепла своего“ ([4]). Академія обстроилась частію на собственную свою неокладную сумму, частію на Высочайше пожалованную сумму 17875 р. ([5]).

Главное Народное училище было открыто 21 янв. 1819 г., при чемъ старшій учитель Макаровъ заявилъ о неутомимомъ стараніи начальства, пользовавшагося щедротами Благословеннаго Монарха, къ возобновленію благодѣтельнаго заведенія ([6]).

Императорская гимназія послѣ пожара помѣщалась въ зданіи университета, только 27 авг. 1820 г. она перешла въ собственный, вновь отдѣланный домъ;

([1]) Казанскія Извѣстія 1816 г. (во многихъ нумерахъ).

([2]) Ibid. № 96.

([3]) Полн. Собр. Зак. 1818 г. № 27407.

([4]) Каз. Извѣстія 1816 г. № 9.

([5]) «Исторія Старой Каз. Духовн. Академіи» А. Благовѣщенскаго Каз. 1875 г., стр. 22.

([6]) Казан. Извѣстія 1819 г. № 19.

а вечеромъ 30 августа, въ день тезоименитства Государя, зданіе гимназіи было украшено прозрачными картинами, изъ которыхъ на одной вензелевое изображеніе имени Государя было окружено надписью: „Твоими щедротами обновленная“ (¹). Въ 1818 г. Государь пожертвовалъ на возобновленіе зданій гимназіи 30000 р. и въ 1819 г. 13575 р. 46 коп. (²).

Погорѣвшій въ 1815 г. корпусъ казанскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ было извѣщено въ Каз. Извѣст., „попеченіемъ Всеавгустѣйшаго нашего Монарха возобновленъ 20 декабря 1820 г.“ (³).

Говоря о милостяхъ Александра I, оказанныхъ Казани, должно указать и на тѣ благотворительныя учрежденія, которыя исходили отъ пожертвованій самаго казанскаго общества и привлекали къ себѣ вниманіе и благодарность Государя, несомнѣнно сочувствовавшаго всѣмъ гуманнымъ проявленіямъ, тѣмъ болѣе, что очень часто, по заявленію самихъ благотворителей, въ дѣйствіяхъ своихъ они руководствовались примѣромъ самаго Государя.

Въ 1805 г. Казанское дворянство опредѣлило собрать, по числу состоящихъ за нимъ ревизскихъ душъ, по 50 коп.; сверхъ того нѣкоторые представили единовременныя пожертвованія, а другіе обязались ежегодно взносами на устроеніе и поддержаніе градской больницы. Императоръ въ рескриптѣ губернатору Мансурову называлъ это новымъ доказательствомъ благонамѣренности и любви къ человѣчеству Казанскаго дворянства и изъявилъ особенную признательность и благоволеніе жертвователямъ (⁴).

(¹) Ibid. 1820 г. № 70.

(²) Казанскій Вѣстникъ 1821 г., кн. 2, стр. 196 (Краткій Отчетъ о состояніи Казанск. гимн. въ 1820—1821 г.)

(³) Каз. Изв. 1820 г. № 104.

(⁴) Спб Журналъ 1806 г., кн. I, стр. 8.

Въ 1808 г. казанск. купцу Рязанову была пожалована золотая медаль за устройство имъ въ Казани при старообрядческой церкви 4 евангелистовъ каменной богадѣльни для 20 человѣкъ ([1]).

Въ 1816 г., по инициативѣ проживавшаго въ Казани дѣйств. ст. сов. Романовскаго, составился въ г. Казани Попечительный Комитетъ о бѣдныхъ; составленныя Романовскимъ правила для Комитета были Высочайше утверждены; Комитетъ былъ присоединенъ къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу и всѣмъ лицамъ, обязавшимся благотворить сему заведенію, объявлено особенное Высочайшее Его Величество благоволеніе ([2]).

Сохранились указанія, что нѣкоторыя благотворители руководствовались именно призывомъ со стороны Государя къ благотворительности или примѣромъ, подаваемымъ самимъ Государемъ.

Въ 10 пунктѣ Всемилостивѣйшаго манифеста 30 авг. 1814 г. сказано: „Людей, по казеннымъ долгамъ болѣе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ содержащихся и заплатить не могущихъ, простить и освободить. Мы надѣемся, что и частные люди при толь общемъ и радостномъ торжествѣ, послѣдуя примѣру Нашему, уступятъ изъ взысканій своихъ къ облегченію и освобожденію тѣхъ, кои въ темницахъ за неуплату ихъ долговъ страдаютъ“ ([3]). Въ отвѣтъ но этотъ призывъ Государя мы встрѣчаемъ слѣдующія извѣщенія въ Казан. Извѣстіяхъ 1815 г.: „Свіяжскій уѣздный предводитель дворянства Крылосовъ, движимъ будучи состраданіемъ къ человѣчеству, по гласу Всемилостивѣйшаго манифеста, 30 августа 1814 г. состоявшагося, оставилъ уплату должныхъ ему однимъ недостаточнымъ чиновникомъ денегъ 100 рублей съ процентами за 8 лѣтъ слѣдующими ([4]).

([1]) Ibid. 1808 г., кн. II, стр. 121.

([2]) Казан. Извѣстія 1816 г. № 80.

([3]) Полн. Собр. Зак. 1814 г. № 25671

([4]) Каз. Изв. 1815 г., № 8.

Татары деревень Большей и Нижней Серды Казанскаго уѣзда на общемъ мірскомъ сходѣ, утвержденнымъ на письмѣ приговоромъ, слѣдуя Всемилостивѣйшему манифесту, изданному въ 30 день августа 1814 г., 10 пункту, разсудили оставить взысканіе 241 р. 70 коп., присужденное имъ Палатою уголовнаго суда съ бывшаго ихъ волостнаго головы, въ облегченіе его участи, отягощенной долговременнымъ страданіемъ подъ судомъ ([1]).

Въ Казанскихъ Извѣстіяхъ 1818 г. встрѣчаемъ извѣщеніе о томъ, что весьма малое и недостаточное Спасское градское общество, усердствуя содѣйствовать Монаршимъ намѣреніямъ къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, положило ежегодно отпускать на вновь открытое въ г. Спасскѣ уѣздное и приходское училища по 300 рублей ([2]).

Очевидно, что подъ вліяніемъ изъ С.-Петербурга, въ виду особеннаго расположенія къ цѣлямъ и дѣятельности Библейскаго Общества со стороны самаго Государя и такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ князь А. Н. Голицынъ, назначенный въ 1817 г. министромъ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія, въ 1818 г. открыто въ Казани Отдѣленіе Библейскаго Общества ([3]). Въ первую годовщину Казанскаго Отдѣленія вице-президентъ онаго, Казанскій губернаторъ графъ Толстой говорилъ своимъ сочленамъ: „Великому Монарху Сѣвера, Миротворцу Европы, тѣмъ же духомъ ознаменующему всѣ свои дѣйствія, какъ первенствующему соревнователю Библейскихъ Обществъ и покровителю отечественнаго, пріятно будетъ преуспѣваніе ваше въ дѣлѣ Божіемъ, и подъ державнымъ руководствомъ Его мы потечемъ, дондеже постижемъ“ ([4]).

([1]) Ibid. № 24.

([2]) Ibid. № 99. Отдѣльное Извѣщеніе.

([3]) Ibid. 1818 г. № 9.

([4]) Ibid., 1819 г. № 14.

Должно признаться, что русское общество въ царствованіе Александра I и позднѣе не представляетъ доказательствъ способности къ иниціативѣ для осуществленія высшихъ цѣлей и идеаловъ; оно, къ сожалѣнію, постоянно представляется неподвижнымъ, малоспособнымъ не только къ собственной иниціативѣ, но и къ дѣятельности, путь къ которой уже показанъ другими. Если какъ будто замѣчается иногда общественное пробужденіе, оно скоро замираетъ и служитъ только доказательствомъ, что какая то сила дала толчокъ организму, самому по себѣ недѣятельному и который скоро приходитъ въ свое естественное состояніе неподвижности.

Сейчасъ мною высказанное подтверждается и судьбою казанскихъ благотворительныхъ обществъ. Къ отчету Казанскаго Библейскаго Комитета за 1822 годъ, на сорока восьми страницахъ, приложенъ алфавитный списокъ членовъ Комитета за 4 года съ 1818 по 1822 г. включительно; въ спискѣ поименована цѣлая тысяча членовъ, но изъ нихъ только около 90 сдѣлали членскіе взносы за всѣ года своего существованія членами; самое значительное большинство членовъ являются только внесшими за одинъ первый годъ своей принадлежности къ Обществу, особенно много такихъ одногодниковъ поступило въ 1819 и 1820 г., въ первомъ—преимущественно сельское духовенство, а во второмъ — воспитанники разныхъ училищъ (¹). Очевидно, что члены являлись вдругъ массами только по внѣшнему побужденію—въ 1819 г. они поставлялись духовнымъ вѣдомствомъ, а въ 1820—ученымъ. Общество поддерживалось только вліяніемъ высокопоставленныхъ лицъ.

Печальная судьба скоро постигла и Казанскій Попечительный Комитетъ о бѣдныхъ, о началѣ кото-

(¹) Отчетъ Казанск. Библейскаго Комитета. Каз. 1823.

раго такъ разсказывается въ Казанскихъ извѣстіяхъ: „Сначала благочестіемъ преисполненный, достопочтенный, маститый старецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Вас. Вас. Романовскій, сострадая многимъ нещастнымъ и бѣднымъ въ Казани, представилъ съ убѣжденіемъ разнымъ особамъ о учрежденіи въ семъ городѣ благотворительнаго заведенія и самъ повсюду лично собиралъ подписку“ (¹). Такимъ образомъ Попечительный Комитетъ обязанъ своимъ основаніемъ энергической дѣятельности только одного лица, Комитетъ былъ открытъ 29 октября 1816 г., а 14 февр. 1817 г. послѣдовало отъ предсѣдателя Комитета Романовскаго слѣдующее объявленіе: „На содержаніе, пропитаніе и одѣваніе дряхлыхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ и сиротъ, находящихся въ истинномъ убожествѣ, обязались благотворители подписками своими въ началѣ 1815 г. вносить ежегодно, а нѣкоторые и единовременно: деньгами, мукой, крупой, сукномъ и холстомъ, хотя о взносѣ всего того и были они прошены 4 окт. прошлаго 1816 г. чрезъ сіи Казанскія Извѣстія, а потомъ еще 14 окт. тогожъ года и чрезъ здѣшнюю полицію, но за всѣмъ тѣмъ столь малое число изъ нихъ донынѣ исполнили свою обязанность, что не возможно бъ было не только избавить отъ холода и голода тѣхъ несчастныхъ сто человѣкъ, кои по сіе время приняты уже въ попеченіе Комитета, но и самое открытіе онаго было бъ остановлено и донынѣ, еслибъ нѣкоторые изъ человѣколюбивѣйшихъ благотворителей не учинили взносы свои прежде открытія сего Комитета и вдругъ за три года“ (²). И впослѣдствіи не одинъ разъ Романовскому приходилось призывать къ уплатѣ недоимокъ.

(¹) Каз. Изв. 1816, № 90.

(²) Ibid., 1817 г., № 13.

Общественный духъ, особенно духъ патріотизма поднимается во время войнъ, когда для общественнаго возбужденія принимаются и особыя мѣры.

Во время войны съ французами въ 1806 г. была организована милиція въ 31 губерніи, въ томъ числѣ и въ Казанской (1).

Командующимъ Казанскимъ губернскимъ земскимъ войскомъ былъ выбранъ дворянствомъ ген.-майоръ Л. Н. Энгельгардтъ. Объ организаціи Казанской милиціи и своей дѣятельности въ качествѣ начальника ея Энгельгардтъ упоминаетъ въ своихъ напечатанныхъ запискахъ (2).

Въ 1807 г. въ Казанской губернской типографіи была напечатана книжка „Набатъ по случаю войны съ Французами". Авторомъ ея былъ пятисотенный Тетюшской милиціи Дм. Зиновьевъ,—это одна изъ замѣчательныхъ казанскихъ личностей, къ сожалѣнію совершенно забытая; Зиновьевъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, помѣстилъ множество статей въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, онъ является и во главѣ нѣкоторыхъ общественныхъ предпріятій. Въ посвященіи „Набата" своему начальнику по милиціи Энгельгардту такъ объясняетъ Зиновьевъ цѣль своего сочиненія: „При угрожающей Отечеству опасности долгъ каждаго вѣрноподаннаго есть распространять въ народѣ выгодныя понятія, преклонять сердца, дѣйствовать на умы, дабы робкаго ободрить, нерѣшительнаго преклонить на твердое намѣреніе, холоднаго разгорячить и всѣ сословія наэлектризовать, отъ одного конца до другова возстать противъ врага спокойствія,—пожертвововать собою за Вѣру, Государя и Отечество".

Въ 1808 г. нѣкоторымъ градскимъ обществамъ, въ томъ числѣ и Казанскому, были даны Высочайшія

---

(1) «Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ» Варадинова, ч. I, 154.

(2) «Записки Л. Н. Энгельгардта». М. 1867, стр. 221—224.

грамоты съ изъявленіемъ Монаршаго благоволенія за пожертвованія на милицію [1].

Особенныхъ пожертвованій отъ всего народа потребовала борьба съ французами, начавшаяся въ 1812 г.

О настроеніи общества въ Казани въ 1812 г. говоритъ В. И. Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Произнесенный государемъ обѣтъ—не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ царствѣ русскомъ, принятый со всеобщемъ умиленіемъ и признательностію, освѣжилъ сердца надеждою, возстановилъ мужество. Съ единодушнымъ рвеніемъ и быстротою составилось ополченіе: старъ и младъ встали подъ знамена. Всѣ городскія удовольствія, всѣ занятія были оставлены, одни извѣстія изъ арміи, нетерпѣливо ожидаемыя, поглощали наше вниманіе“ [2].

„Воззваніе къ обитателямъ Казанской губерніи при слухѣ о вшествіи непріятеля въ Москву“ было написано въ сентябрѣ 1812 г. вышеупомянутымъ Москательниковымъ, который въ рукописномъ сборникѣ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій, объясняетъ по поводу своего „Воззванія“: „Казанцы были готовы жертвовать и жизнью и имѣніемъ Отечеству; посылали нарочнаго для развѣданія о положеніи нашихъ войскъ и непріятеля, но полученный чрезъ сего нарочнаго отъ графа Толстаго [3] изъ Нижняго словесный отвѣтъ успокоилъ движенія“.

Въ Казанскихъ Извѣстіяхъ 1812 г. появляются статьи, имѣвшія цѣлью возбудить патріотическій духъ, между прочимъ была напечатана одна Растопчинская афиша [4]; въ выноскѣ къ статьѣ „О любви къ отечеству“ сказано: „Опыты и примѣры любви къ отече-

(1) Спб. Журналъ 1808, кн, IV, стр. 5, 6.

(2) Вѣстн. Европы 1867, кн. III, стр. 229, 230.

(3) Начальникъ III округа ополченія, въ который входила Казанская губернія.

(4) Каз. Изв. 1812 № 36.

ству никогда не были въ Россіи столь часты, столь блистательны, какъ въ достославное царствованіе вселюбезнѣйшаго нашего Монарха. Вѣкъ Его есть вѣкъ пожертвованій. Всѣ сословія, всѣ состоянія, одно предъ другимъ наперерывъ стремятся доказать усердіе свое къ общему благу, особливо въ нынѣшнее время, когда злоковарный врагъ дерзнулъ нарушить спокойствіе любезнаго нашего отечества (1). 10 сент. 1812 г. былъ открытъ Казанскій Комитетъ пожертвованій по внутреннему ополченію (2).

Кромѣ составленія ополченія, въ Казани вербовали и въ гусарскій полкъ гр. Салтыкова (3); зданія бывшей новокрещенской казанской школы были заняты гусарскою швальною (4).

Казанское ополченіе составляло 4 пѣхотныхъ баталіона и два конныхъ эскадрона и въ январѣ 1813 г. выступило въ походъ подъ начальствомъ подполковника Чичагова. Ополченіе совершило походъ въ Германію и особенно отличилось близъ Дрездена, въ сраженіи при селеніи Рейхенбергъ 25 окт. 1813 г.; за это сраженіе Чичаговъ получилъ золотую шпагу съ надписью за храбрость, четверо офицеровъ получили орденъ св. Анны 3 степ., трое—Монаршее благоволѣніе и девять офицеровъ слѣдующіе члены. Два раза Казанское ополченіе получило Монаршее благоволѣніе за благоустройство военной дисциплины. Во время обратнаго пути Казанскаго ополченія Государь пожаловалъ всѣмъ воинамъ, бывшимъ далѣе Одера, въ награжденіе по 5 рублей (5).

Ополченіе возвратилось въ Казань 24 февр. 1815 г., начальнику ополченія Чичагову отъ казанскаго дво-

(1) Ibid. № 37.

(2) Ibid. № 38.

(3) Воспоминанія В. И. Панаева въ Вѣстн. Европы 1867 г., т. III, стр. 230.

(4) Ист. Стар. Каз. Дух. Акад. А. Благовѣщенскаго, Каз. 1875 г.

(5) Каз. Изв. 1815, № 32.

рянства въ признательность поднесенъ серебряный кубокъ ([1]).

Въ 1812 г. Казань дала пріютъ многимъ москвичамъ, которые оставили Москву передъ нашествіемъ непріятеля; въ Казань были переведены Московскіе Департаменты Сената и Московскій Опекунскій Совѣтъ съ Сохранною и Ссудною казнами, Воспитательнымъ домомъ, Екатерининскимъ и Александровскимъ институтами.

14 іюля 1813 г. послѣдовалъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны рескриптъ на имя Казанскаго губернатора Мансурова, въ которомъ выражалась признательность за попеченіе объ институтахъ во время ихъ пребыванія въ Казани. Казанскому Приказу Общества. Призрѣнія, который пожертвовалъ для помѣщенія институтовъ своимъ домомъ, Императрица пожаловала 1000 рублей ([2]).

Передъ нашествіемъ Наполеона на Россію правительство очень опасалось иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи, по этому поводу принимались особенныя мѣры. Министръ полиціи, по Высочайшему повѣленію, 8 іюля 1812 г. далъ знать Совѣту Казанскаго университета, чтобы оставить въ Казани изъ иностранцевъ только тѣхъ, за благонадежность которыхъ поручится мѣстное начальство; обо всѣхъ иностранцахъ, находившихся на службѣ, велѣно было представить министру списки съ замѣчаніями начальника губерніи; всѣхъ иностранцевъ, признанныхъ неблагонадежными по поведенію, велѣно выслать немедленно за границу ([3]).

Передъ началомъ войны съ французами въ 1812 г. послѣдовала ссылка Сперанскаго, котораго обществен-

---

([1]) Каз. Изв. 1815 г. № 17.

([2]) Ibid. № 35.

([3]) «Историч. Записка о 1 Казанской гимн.» Владимірова, ч. II, отд. 2, стр. 59.

ное мнѣніе обвиняло въ особенномъ пристрастіи къ Наполеону, родной братъ Мих. Мих. Сперанскаго Козма Михаиловичъ былъ въ то время казанскимъ прокуроромъ; онъ вдругъ безъ просьбы былъ уволенъ отъ должности (¹).

Переходя опять къ разсмотрѣнію явленій казанской жизни въ тихое, мирное время, я считаю необходимымъ остановиться на проявленіяхъ личнаго героизма, направленнаго къ спасенію погибающихъ.

Воспоминаніе объ этихъ подвигахъ да послужитъ чествованіемъ памяти о доблестной и гуманной храбрости! Особенно умѣстнымъ представляется это воспоминаніе среди воспоминаній объ Императорѣ Александрѣ I, который самъ представляетъ примѣры сердечной готовности къ подобнымъ подвигамъ. Вспомнимъ напр. разсказъ, какъ Александръ въ 1807 году, проѣзжая между Ковною и Вильною, по берегу р. Вилейки, помогалъ только что вынутому крестьянами изъ воды утопленнику. Государь, соскочивъ съ лошади, вмѣстѣ съ крестьянами раздѣвалъ утопленника, теръ ему виски, руки и подошвы. Въ подъѣхавшей свитѣ Государя находился и лейбъ-медикъ Вилье, онъ пустилъ кровь, но она не пошла; въ продолженіе трехъ часовъ всѣ усилія къ оживленію оставались тщетными. Вилье объявилъ, что нѣтъ болѣе надежды, но Государь просилъ еще разъ пустить кровь. Кровь пошла и утопшій вздохнулъ. „Боже мой! сказалъ Государь, эта минута счастливѣйшая въ моей жизни“.

Подобное случилось и въ С.-Петербургѣ. На Охтенской дорогѣ Государь, замѣтивъ человѣка, лежавшаго на землѣ безъ чувствъ, покрытаго рубищемъ, соскакиваетъ съ дрожекъ, посылаетъ за медикомъ и остается на мѣстѣ, пока не удостовѣрился, что несчастный спасенъ... Это происшествіе изображено Брюловымъ

(¹) «Жизнь гр. Сперанскаго» бар. Корфа, т. II, Спб. 1861, стр. 81.

на картинѣ и эстампы съ этимъ изображенiемъ разошлись по всей Россiи (¹).

Зная эти черты характера Александра, представляется возможнымъ предполагать, что гуманное сердце Государя сочувственно отзывалось на подвиги героизма для спасенiя погибающихъ, что назначенiе наградъ за эти подвиги было сердечною потребностью Императора.

Въ 1806 г. Государь наградилъ чистопольскаго мѣщанина Бараева золотою медалью на владимiрской лентѣ для ношенiя на шеѣ и денежною выдачею. Бараевъ, проживавшiй на берегу Камы, отличился два раза: въ первый разъ онъ спасъ 8 человѣкъ погибавшихъ послѣ опрокинутiя лодки сильною бурею; въ другой разъ онъ спасъ 30 человѣкъ, которые погибали, послѣ того какъ льдины опрокинули ихъ барку (²).

Въ томъ же году отставной кол. совѣт. Ильинъ, управлявшiй имѣнiемъ сенатора Данаурова на Камѣ въ Рыбной Слободѣ, награжденъ орденомъ св. Владимiра 4 степ. за дѣятельныя и благоразумныя распоряженiя, благодаря которымъ, были спасены отъ неизбѣжной опасности 400 человѣкъ рабочихъ, плывшихъ на судахъ съ солью (³).

Въ 1823 г, получили награду за спасенiе погибающихъ 8 чистопольскихъ мѣщанъ и двое крестьянъ. Буря на Камѣ сорвала съ якоря двѣ коломенки съ желѣзомъ, которыя стояли въ 4 верстахъ отъ г. Чистополя, рабочiе погибали, ихъ несли волны. При усиливающейся бурѣ, ужасномъ громѣ и молнiи двое чистопольскихъ мѣщанъ Толокновы бросаются въ лодку и спасаютъ на берегъ трехъ погибающихъ. Затѣмъ Толокновы въ сопровожденiи приставшаго къ нимъ

(¹) «Избранные Черты и Анекдоты Александра I», М. 1827, ч. II. стр. 50—52.

(²) Спб. Журн. 1806, кн. I, стр. 149, 150.

(³) Ibid. кн. XI, стр. 146, 149.

третьяго мѣщанина опять садятся въ лодку и спасаютъ еще 10 человѣкъ. Увлеченный этимъ примѣромъ мѣщанинъ Семеновъ въ два пріема, въ первый разъ съ помощію 4 мѣщанъ, а во второй съ двумя крестьянами спасаетъ 35 человѣкъ. Государь наградилъ мѣщанъ Толокновыхъ и Семенова золотыми медалями на владимірскихъ лентахъ и по 500 рублей каждому, а остальные получили серебряныя медали и по 300 рублей [1]

Царствованіе Александра I имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Интересы русскаго просвѣщенія составляли предметъ особенной заботливости Императора, которую раздѣляли съ нимъ самыя приближенныя къ нему и довѣренныя имъ лица, вышеупомянутые члены неофиціальнаго комитета. Объ этомъ Императоръ самъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Лагарпу, оправдываясь въ назначеніи министромъ народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго: „Сожалѣнія ваши, пишетъ Александръ Лагарпу, о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибъ вамъ извѣстна была организація его министерства. Оно ничтожно. Это совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцева и др., который всѣмъ управляетъ; нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои въ особенности съ двумя послѣдними мѣшаютъ министру ставить какія либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ мы сдѣлали его снисходительнымъ до нельзя; настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ“ [2]. Общій планъ устройства учебной части въ имперіи утверж-

---

[1] Каз. Вѣстн. ч. IX. 1823 г. стр. 150—153.

[2] Сборникъ Русск. Историч. Общ. т. V Спб. 1870, стр. 39.

денъ 24 января 1803 подъ именемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“. Въ правилахъ всѣ училища раздѣлены на 4 рода: училища приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты. Вмѣстѣ съ правилами народнаго просвѣщенія утверждено раздѣленіе имперіи на учебные округи, и въ каждомъ изъ нихъ предполагалось основать университетъ. Въ началѣ царствованія Александра I въ предѣлахъ Россійской имперіи существовало только три университета: Московскій, Дерптскій и Виленскій, въ 1803 г. эти три университета стали во главѣ трехъ учебныхъ округовъ; училища остальныхъ губерній вошли въ составъ округовъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго и Казанскаго. Мысль объ основаніи университета на востокѣ Россіи является еще въ царствованіе Петра Великаго, которому Лейбницъ совѣтовалъ, при открытіи университетовъ и школъ, наибольшее вниманіе обратить на Москву и затѣмъ на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ (1).

Послѣ основанія Московскаго университета въ 1755 г., при Екатеринѣ II въ 1786 г. предполагалось основать университеты въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ (2). При Александрѣ I было рѣшено основать университетъ въ Казани, потому что тамъ существовала обширная гимназія, слѣдовательно можно было ожидать учащихся, способныхъ проходить университетскій курсъ (3). 5 ноября 1804 г. была дарована Императоромъ Казанскому университету утвердительная грамота и утвержденъ уставъ университета. Въ утвердительной грамотѣ сказано: „Блаженной памяти Августѣйшая Прабабка Наша, Государыня Императрица Елисавета Петровна, шествуя по стезямъ Велика-

(1) «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи». Сухомлинова въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1865 г., ч. CXXVIII, стр. 41.

(2) Ibid. стр. 52.

(3) Ibid. стр. 58, 59.

го преобразителя Россіи, между прочими славными подвигами благоволила основать въ Казани 1758 г. гимназію и даровать ей нѣкоторыя права незадолго передъ тѣмъ Московскому университету пожалованныя. Предположивъ сообразно степени просвѣщенія настоящихъ временъ въ семъ самомъ мѣстѣ учредить университетъ, дабы существованіе сего благотворнаго заведенія содѣлать навсегда неприкосновеннымъ, и даровать ему возможность къ достиженію важнаго назначенія—образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества, и распространенія въ немъ нужныхъ познаній, Мы соизволили Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ и за преемниковъ Нашихъ постановить слѣдующее"...

Казанскій университетъ открытъ 14 февраля 1805 г., сначала онъ существовалъ въ лицѣ немногихъ преподавателей и слушателей при гимназіи и подъ управленіемъ директора гимназіи Яковкина. Гимназія отдѣлилась отъ университета только въ 1811 г. и перешла въ особое зданіе, но общее управленіе надъ гимназіей и университетомъ продолжалось до окончательнаго открытія университета 5 іюля 1814 г. подъ управленіемъ ректора Брауна, выбраннаго совѣтомъ университета изъ профессоровъ.

Въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета 5 іюля 1817 г., черезъ три года послѣ окончательнаго его образованія, профессоръ Городчаниновъ читалъ торжественную оду, въ которой воспѣвалъ важное значеніе Казанскаго университета для всей Восточной Россіи, до самой Камчатки, такъ какъ въ то время къ Казанскому учебному округу принадлежала вся Сибирь. Городчаниновъ заключилъ свою оду слѣдующимъ воззваніемъ къ Казани:

Въ одежду свѣтлу облекися,
Ликуй и радуйся Казань,
Наукъ плодами насладися,
Цѣлуй щедроты полну длань,

Что перломъ симъ, толь драгоцѣннымъ,
Монаршимъ даромъ симъ священнымъ
Твоя украсилася грудь!
Восточныхъ Росскихъ музъ главою
Красуйся и самъ красою
Градовъ восточныхъ Росскихъ будь ([1]).

Но скоро Казанскому университету пришлось торжественное настроеніе перемѣнить въ раскаяніе грѣшника и потерпѣть кару, какъ государственному преступнику! Надъ Казанскимъ университетомъ въ 1819 году разразилась страшная гроза. Бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну сдѣлалось извѣстнымъ о чрезвычайныхъ безпорядкахъ въ Казанскомъ университетѣ. Для разслѣдованія положенія дѣлъ въ Казанскомъ университетѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, былъ посланъ въ Казань членъ главнаго правленія училищъ Магницкій. Обвиненія противъ Казанскаго университета вѣроятно были очень важны, потому что уже въ инструкціи Магницкому былъ поставленъ такой вопросъ: „есть ли дѣйствительно надобность, чтобъ университетъ въ Казани существовалъ?" ([2]).

Послѣ осмотра Казанскаго университета Магницкій пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Казанскій университетъ, нарушившій коренныя обязанности свои и тѣмъ разодравшій грамоту ему дарованную условно (ибо утвержденъ совокупно съ нею и уставъ, обязанности его опредѣляющій), злоупотребившій сумму 2 милліона рублей ([3]), причинившій очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ

([1]) Каз. Извѣстія 1877 г. № 98.

([2]) «Магницкій» ст. Е. Ѳеоктистова въ Р. Вѣстн. 1864 г. № 6. стр. 482.

([3]) Такая сумма, по разсчету, израсходована была на университетъ со времени его основанія.

округѣ, по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію [1]“.

Замѣчательно мнѣніе, поданное въ Главное Правленіе училищъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Уваровымъ (впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія), по поводу доклада Магницкаго: „Университетъ не что иное какъ многочисленное сословіе, составленное изъ людей, другъ отъ друга независящихъ, различествующихъ между собою мнѣніями, правилами, вѣрою и отчизною. Надобно доказать умышленный заговоръ между всѣми членами онаго, чтобы запечатлѣть его клеймомъ безчестія.... Не въ самыхъ ли мѣрахъ при учрежденіи онаго, не въ самомъ ли образѣ учрежденія находится зародышъ зла? Все ли тщательно было обдумано? Вниманіе правителей было ли неослабно обращено на благосостояніе университета? Однимъ словомъ, можно ли упрекнуть небрежно вспаханную бразду въ томъ, что погибли сѣмена, неосторожною рукою по ней разбросанныя?.... Еслибы великодушный учредитель Казанскаго университета рѣшился, по уваженію предполагаемой необходимости, нанести ему смертный ударъ, и если какой-либо голосъ обвиненія поднялся бы въ Европѣ на счетъ правительства, то мы имѣемъ на сіе отвѣтъ рѣшительный, неоспоримое и торжественное оправданіе: учрежденіе С.-Петербургскаго университета [2], довольно ясно знаменующее, что въ глазахъ вѣнценоснаго друга наукъ и человѣчества, пріобыкшаго не увлекаться крикомъ раздраженныхъ страстей, „общая система учебнаго просвѣщенія, сбросивъ скромное покрывало философіи, не стоитъ посреди Европы съ подъятымъ кинжаломъ“.

---

(1) «Магницкій», ст. Е. Ѳеоктистова въ Русск. Вѣстн. 1864, № 6, стр. 490.

(2) Спб. университетъ основанъ только что передъ этимъ—8 февраля 1819 г.

Послѣднія слова Уварова представляютъ перефразировку словъ въ докладѣ Магницкаго: „Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ“!

Князь Голицынъ въ представленіи къ Государю о результатѣ ревизіи Магницкаго говоритъ въ смыслѣ послѣдняго: „Изволите ли по всѣмъ изъясненнымъ здѣсь обстоятельствамъ находить нужнымъ, чтобъ университетъ существовалъ и былъ исправленъ или уничтоженъ совсѣмъ, какъ заведеніе стоящее только большаго иждивенія и неприносящее никакой пользы, которое со всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ преобразовать во всѣхъ отношеніяхъ“ ([1]).

Говорятъ, что Государь сказалъ министру народнаго просвѣщенія: „Зачѣмъ разрушать; можно исправить“ ([2]). Самъ Магницкій, впослѣдствіи, будучи уже попечителемъ Казанскаго университета, приписывалъ спасеніе университета только Государю. Въ Бесѣдѣ къ сословію Казанскаго университета въ 1822 г. Магницкій говоритъ: „Три года тому назадъ, высшее начальство, видя неустройство университета, сомнѣвалось даже въ возможности сохранить его существованіе. Одинъ Государь Императоръ, Онъ одинъ, по особенной благодати Помазанниковъ Божіихъ, во многихъ случаяхъ освѣщающей, хотѣлъ сохранить его и возсоздалъ въ новое бытіе“ ([3]).

([1]) «Магницкій», ст. Е. Ѳеоктистова въ Р. Вѣстн. 1864, № 6.

([2]) «Воспоминанія В. И. Панаева» въ Вѣстн. Евр, 1867 г. т. IV, стр. 76.

([3]) Каз. Вѣстн., ч. III, 1823, стр. 4.

Государь приказалъ: Для поддержанія Казанскаго университета въ существованіи его, немедленно принять надлежащія мѣры къ приведенію всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ. Сіе начать тѣмъ, чтобы при университетѣ оставить только тѣхъ изъ профессоровъ, кои заслужили одобреніе по свидѣтельству, при обозрѣніи бывшему. Для пополненія факультетовъ отыскать способныхъ профессоровъ въ другихъ учебныхъ округахъ, дабы предпочтительно опредѣляемы были изъ Русскихъ, а въ случаѣ недостатка, выписывать и изъ чужихъ краевъ, но токмо не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ. Затѣмъ Государь утвердилъ слѣдующія предположенія главнаго правленія училищъ: 1) ввести при Казанскомъ университетѣ преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія (которое съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено), опредѣливъ для сего наставника изъ духовныхъ. 2) Нѣкоторыхъ профессоровъ совершенно уволить отъ занимаемыхъ ими должностей, другихъ перевести на такія каѳедры, которыя болѣе соотвѣтствуютъ ихъ способностямъ. 3) Для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника, подъ именованіемъ директора, подобно тому, какъ назначено сіе при С.-Петербургскомъ университетѣ. За симъ ученую и учебную часть поручить отдѣльно ректору, по уставу избираемому (1).

Попечителемъ Казанскаго учебнаго округа былъ назначенъ Магницкій, который долженъ былъ приводить въ исполненіе эти правила. Въ Отчетѣ университета за учебный годъ съ іюля 1819 до іюля 1820 г. сказано: „Милосердіе Его Императорскаго Величества

---

(1) Сборникъ постановленій по Минист. Народн. Просв, т. I, стр. 1172—1174.

покрыло всѣхъ виновныхъ: не только ни одинъ изъ нихъ не подвергся заслуженному взысканію, но въ числѣ удаленныхъ изъ университета, люди престарѣлые получили пенсіоны и путевыя на проѣздъ въ чужіе краи издержки, а прочимъ открыты способы вступить въ другой родъ службы. За неучастіе въ открытыхъ безпорядкахъ, за особенные труды и благонамѣренность, удостоены знаковъ отличія 5 профессоровъ" (1).

Обновленный университетъ считалъ основаніемъ своего обновленія знаменитыя Инструкціи Директору и Ректору Казанскаго университета, Высочайше утвержденныя 17 января 1820 г., съ этого дня обновленный университетъ велъ свое лѣтосчисленіе и ежегодно праздновалъ его. Эти инструкціи были составлены Магницкимъ (2), этого его profession de foi.

Въ Инструкціи Директору встрѣчаются слѣдующія положенія: „Нравственному воспитанію предлежитъ объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть, нравы и наружное обращеніе. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность: посему послушаніе важнѣйшая добродѣтель юности. Директоръ обязанъ наблюдатъ: что-бы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ. Директоръ обязанъ блюсти внимательно, чтобы всѣ чиновники университета, каждый по вѣроисповѣданію своему (разумѣя христіанскія), исполнялъ свои обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ; чтобы студенты ежедневно отправляли въ положенное время должныя молитвы, всѣ вмѣстѣ и въ присутствіи инспектора; чтобы мало по малу инспекторъ пріучалъ ихъ къ дѣламъ милосердія

(1) Каз. Вѣстн. ч. I, 1824 г., стр. 4, 5.

(2) „Магницкій». ст. Е. Ѳеоктистова въ Р. Вѣстн. 1864, кн. 7, стр. 6.

небольшими, по состоянію каждаго, милостынями, посѣщеніемъ больныхъ товарищей въ праздничные дни и т. п.; чтобы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ".

Въ инструкціи Ректору сказано: „Въ преподаваніи всѣхъ наукъ въ университетѣ долженъ быть одинъ духъ св. Евангелія, какъ показано въ статьяхъ о каждомъ факультетѣ въ особенности: ибо одинъ онъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя во всякомъ другомъ духѣ суть токмо притворство гордости и своекорыстія. Профессоръ философіи всегда долженъ имѣть въ памяти и устахъ слѣдующія слова о философіи того Святаго учителя языковъ, который самъ будучи изученъ мудрости человѣческой, попралъ ее въ буйствѣ креста: „Блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ". (Колос. 2. 8). Затѣмъ идутъ выписки изъ посланія къ Тимофею. „Златыми буквами слова сіи да начертаются надъ каѳедрою философіи". Доска съ этими текстами доселѣ хранится въ Казанскомъ университетѣ.

По отдѣленію политическихъ наукъ замѣчено, что одинъ изъ древнихъ христіанскихъ мудрецовъ, почтеніе и покорность, государямъ надлежащія, называетъ Религіею втораго Величества.

Профессоръ Теоретической и Опытной Физики обязанъ „во все продолженіе курса своего, указать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ".

„Профессоры врачебныхъ наукъ должны принять всѣ возможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ позднѣйшихъ медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный

матеріализмъ имено отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студентамъ должно внушено быть, что Святое Писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ; что искусство врачеванія, безъ духа христіанской любви и милосердія, есть ремесло, само по себѣ, особливо, когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная" ([1]).

Если мы вспомнимъ современныя этимъ новымъ распоряженіямъ о народномъ просвѣщеніи въ Россіи событія въ Западной Европѣ, то происхожденіе и смыслъ этихъ распоряженій будутъ очень понятны.

Это было время политической реакціи т. е. противодѣйствія правительствъ либеральнымъ стремленіямъ народовъ.

Въ зловредномъ либерализмѣ были заподозрѣны и нѣмецкіе университеты; и правительства тогда заботились не столько о настоящихъ интересахъ просвѣщенія, сколько о надзорѣ за просвѣщеніемъ.

Къ несчастію послѣдовали событія, которыя какъ будто бы оправдывали реакціонныя мѣры противъ университетовъ.

Въ 1819 г. одинъ молодой человѣкъ убилъ въ Мангеймѣ извѣстнаго писателя, состоявшаго на русской службѣ Коцебу, котораго обвиняли, что онъ посылалъ въ С.-Петербургъ отчеты объ умственной и политической жизни Германіи, въ своихъ отчетахъ Коцебу чернилъ людей либеральнаго направленія. Въ 1820 г. другой молодой человѣкъ покушался на жизнь одного важнаго сановника въ Нассау, который, какъ

([1]) См. эти Инструкціи напр. въ Каз. Вѣстн. т. I, 1821 г. Въ «Сборн постановленій по Минист. Народн Просв.» обѣ Инструкціи соединены вмѣстѣ подъ названіемъ Инструкція Директору Каз. унив. Въ Полн. Собр. Зак. эти Инструкціи не помѣщены, хотя они были Высочайше утверждены, какъ видно изъ Каз. Вѣстн.

говоритъ Гервинусъ, былъ орудіемъ Наполеоновскаго бюрократизма. Тотчасъ послѣ убіенія Коцебу Австрійскій императоръ собралъ въ Карлсбадѣ нѣмецкихъ министровъ для обсужденія разныхъ важныхъ вопросовъ внутренней политики, особенно по народному просвѣщенію. 20 сентября 1820 г. были приняты и обнародованы Германскимъ союзнымъ сеймомъ Карлсбадскія постановленія, по которымъ надъ профессорами и студентами установлено строгое наблюденіе, для этого при каждомъ университетѣ поставленъ особенный уполномоченный отъ правительства, напоминающій директора Казанскаго университета.

Послѣ умиротворенія Александромъ Европы, послѣ заключенія Священнаго союза, интересы Западной Европы Русскому Императору были также дороги, какъ и отечественные. Александръ находился въ то время подъ вліяніемъ реакціонной Европы, подобно тому какъ въ началѣ царствованія онъ былъ представителемъ идеально либеральныхъ принциповъ.

Затѣмъ не забудемъ особенно развившагося въ то время религіознаго благочестія Александра, который причину всѣхъ бѣдствій Европы видѣлъ въ отсутствіи этого благочестія, въ измѣнѣ христіанской религіи. Россію и себя Александръ считалъ орудіями промысла Божьяго для возстановленія въ Европѣ порядка въ духѣ христіанской любви, какъ это напримѣръ показываетъ манифестъ Александра 1 января 1816 г. (1); въ этомъ смыслѣ былъ составленъ Александромъ и актъ Священнаго союза.

Учрежденіе соединеннаго Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія, какъ объясняетъ самъ Александръ, было образовано, что бы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія (2).

---

(1) П. С. З. 1816, № 26059.

(2) П. С. Зак. 1817, № 27106.

Обращаемся опять къ Казанскому университету и къ разсмотрѣнію участія Александра въ судьбахъ его.

Инструкціи директору и ректору были прочитаны въ торжественномъ собраніи университета 22 февраля 1820 г., послѣ этого были произнесены рѣчи и сдѣланы университетомъ слѣдующія постановленія: принести всеподданнѣйшую благодарность Государю Императору, истинному просвѣтителю Россіи, отечески пекущемуся объ образованіи Богомъ ввѣреннаго ему народа, по началамъ христіанскаго благочестія; принести благодарность министру и попечителю; просить ихъ принять званіе почетныхъ членовъ Казанскаго университета и просить министра, чтобы дозволилъ украсить залъ университета портретомъ высокой его особы; память обновленія университета и новаго его устроенія праздновать ежегодно 17 января публичнымъ собраніемъ.

По довѣденіи до свѣдѣнія Государя о бывшемъ собраніи и о томъ, что обновленный университетъ приноситъ Его Императорскому Величеству благоговѣйнѣйшія чувствованія благодарности за преобразованіе его, Государь соизволилъ принять изъясненіе университета съ благоволеніемъ.

Со стороны министра и попечителя послѣдовала тоже благодарность (¹).

Скоро университетъ поспѣшилъ представить доказательства своего дѣятельнаго благочестія: 1820 г. 12 марта, въ день восшествія Александра на престолъ, открыто при Казанскомъ университетѣ Сотоварищество Библейскаго Общества. „Движимые благочестивыми чувствованіями, всѣ чины университета, особенно студенты наперерывъ устремились быть членами сего общества"—говорится (²) въ Отчетѣ Казанскаго университета за 1819—1820 г.

(¹) Каз. Изв. 1820 г. № 18, 54.

(²) Каз. Вѣстн., ч. I, 1821, стр. 17.

12 марта слѣдующаго года положено основаніе Тюремному Обществу при университетѣ. Объ этомъ въ Отчетѣ университета за 1820—1821 г. сообщается слѣдующее: „Архіепископъ Казанскій Амвросій, посѣтившій въ благословенный день восшествія на престолъ человѣколюбивѣйшаго Монарха нашего, послѣ литургіи и молебствія здѣшнюю темницу, удостоилъ сословіе университета раздѣленіемъ съ онымъ общей трапезы и обратилъ своимъ примѣромъ взоры всѣхъ на положеніе тѣхъ меньшихъ братій, о которыхъ говорилъ Искупитель нашъ „въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ“, и всякъ немедленно старался удѣлить что либо на облегченіе горестной ихъ участи, да не услышитъ нѣкогда: „не вѣмъ васъ“. Собрана значительная сумма и сей случай положилъ основаніе имѣющему открыться въ нѣдрѣ университета Тюремному Обществу“ (1).

Въ 1821 г. Магницкій представилъ отчетъ за время своего попечительства до начала этого года. Государь принялъ съ благоволѣніемъ содержащееся въ отчетѣ описаніе успѣховъ въ приведеніи въ лучшее состояніе какъ самаго увиверситета, такъ и подвѣдомыхъ ему училищъ по всѣмъ частямъ, наипаче же по нравственной, а въ воздаяніе за содѣйствіе къ онымъ пожаловалъ орденами директора, ректора и трехъ преподавателей, въ томъ числѣ законоучителя, а помощникъ послѣдняго университетскій протоіерей былъ награжденъ камилавкою (2).

Для награжденія студентовъ, отличившихся добронравіемъ и успѣхами въ наукахъ и преуспѣвающихъ въ дѣятельномъ благочестіи, попечителемъ предположено выдавать ежегодно медали, нѣсколько серебряныхъ и одну золотую, изображающія эмблемму

---

(1) Ibid., ч. III, стр. 18, 19.
(2) Ibid., ч. VI, стр. 185—187.

и девизъ университета, серебряныя для награжденія отличнѣйшихъ студентовъ различныхъ каѳедръ, а золотую по каѳедрѣ законоученія тому изъ студентовъ, который, пріобрѣтя отличнѣйшія познанія въ богословіи, докажетъ христіанскимъ поведеніемъ, что откровенный Законъ Божій не есть наука умозрительная, но истинный и единый свѣтъ, коимъ долженъ освѣщаться темный путь земной нашей жизни. Вслѣдствіе сего, по Высочайше аппробованному рисунку, изготовлены на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ два штемпеля для таковыхъ медалей (¹).

Эмблеммою университета былъ—крестъ своимъ сіяніемъ озаряющій принадлежности наукъ, девизомъ—„Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“.

Магницкій во время пребыванія своего въ Казани въ 1822 г. держалъ Бесѣду къ сословію Казанскаго университета, въ которой объяснилъ, что университетъ возродился, только благодаря особенному Промыслу Божіему: „Дѣло университета было Божіе. Исполнители Его воли были только слѣпыя и недостойныя орудія.... Промыслъ Божій чудесно возвелъ университетъ Казанскій изъ разстройства, уничиженія и стыда въ порядокъ, въ славу, въ примѣръ всѣмъ прочимъ. Взоры Имперіи, подстерегающее и боязливое наблюденіе невѣрія, а можетъ быть и вниманіе всей Европы, устремлены на Васъ“....

По поводу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о принятіи въ руководство по С.-Петербургскому университету инструкцій, изданныхъ для директора и ректора Казанскаго университета (²), Магницкій говоритъ: „Въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ... Свѣтъ сей тихій и незаходимый, освѣщающій всякаго человѣка, въ міръ приходящаго, и котораго тьма лжепросвѣще-

---

(¹) Ibid. стр. 69, 70.

(²) Сборн. постановленій по Министер. Нар. Просв. т. I, стр. 1474. Въ Полн. Собр. Зак. этого постановленія не находится.

нія не объяла, какъ бы таинственно съ востока Отечества нашего, осіяваетъ уже многія мѣста народнаго воспитанія" ([1]).

Въ 1823 г. Казанскому университету удалось обратить на себя вниманіе и Австрійскаго императора. Профессоръ Симоновъ, отправленный въ чужіе краи для покупки астрономическихъ и физическихъ инструментовъ, обратился по этому поводу къ директору Вѣнской обсерваторіи Литрову, бывшему профессоромъ Казанскаго университета, который просилъ австрійскаго статсъ-секретаря по ученой части ходатайствовать о пониженіи цѣнъ за инструменты для Казанскаго университета, на что послѣдовало соизволеніе Австрійскаго императора. На этомъ основаніи Магницкій ходатайствовалъ черезъ министра передъ Императоромъ Александромъ о позволеніи поднести Австрійскому Императору отъ Казанскаго университета дипломъ почетнаго члена, по примѣру англійскихъ университетовъ, представивъ въ тоже время и переводъ инструкцій для университета. Черезъ русскаго посла въ Вѣнѣ Татищева освѣдомились: угодно ли будетъ Австрійскому императору принять дипломъ? Татищевъ увѣдомилъ, что Австрійскій императоръ, принимая приношеніе университета знакомъ признательности и уваженія къ Его Величеству, почтетъ себѣ за удовольствіе принять званіе доктора правъ. Магницкій, сообщая объ этомъ Совѣту Казанскаго университета, поздравлялъ университетъ съ покровительствомъ ему двухъ великихъ монарховъ ([2]).

Въ 1824 г. въ этой залѣ былъ поставленъ портретъ Императора Александра, на золотой дощечкѣ подъ портретомъ надпись: „Обновителю своему обновленный университетъ 1824 г.".

На этомъ я останавливаюсь въ отношеніи къ Казанскому университету, не буду говорить о подробно-

---

([1]) Каз. Вѣстн., т. VII, стр. 7.

([2]) Ibid., т. IX, стр. 167—170.

стяхъ внутренняго устройства университета въ послѣдніе годы царствованія Александра, о характерѣ преподаванія наукъ и способахъ воспитанія студентовъ въ духѣ христіанской нравственности; я представляю здѣсь не исторію Казанскаго университета въ царствованіе Александра I, а заботы Государя о Казани вообще. Скажу только, что историку тяжело знакомиться съ мрачнымъ временемъ нашего университета въ послѣдніе годы царствованія Александра, когда въ университетѣ господствовали обскурантизмъ, лицемѣріе и наглое самовосхваленіе. Не будемъ въ настоящій моментъ искать виновниковъ всего этого, мы собрались здѣсь не для обвиненій противъ когонибудь, а для торжественнаго почитанія памяти рожденія Александра I. И по всей справедливости не Александръ виновникъ нравственнаго паденія нашего университета: онъ постоянно вѣрилъ въ возможность добра отъ университета и въ своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ нему руководствовался только идеальными побужденіями. Мы, наличные представители Казанскаго университета, должны въ настоящее время почтить память Александра искреннею благодарностью, къ этому побуждаютъ нравственныя требованія. Справедливо говорятъ, что способность быть благодарнымъ важное нравственное качество....

Александръ далъ первое бытіе нашему университету. Онъ спасъ его и отъ угрожавшей ему политической смерти!..

Заботы Императора Александра I кромѣ свѣтскихъ училищъ распространялись и на духовныя. Въ 1807 году образованъ былъ особенный Комитетъ для усовершенствованія духовныхъ училищъ, предположенія Комитета были утверждены Государемъ въ слѣдующемъ году. Комитетъ предположилъ сохранить существующее число духовныхъ академій въ Россіи— четыре, въ томъ числѣ и Казанскую, которая образовалась изъ семинаріи въ царствованіе Павла. Вмѣсто

временнаго Комитета въ 1808 г. была основана постоянная Коммиссія духовныхъ училищъ, которая постепенно приводила въ исполненіе Высочайше утвержденныя предположенія, приготовляла уставы разныхъ духовныхъ училищъ и открывала ихъ на новыхъ основаніяхъ. Но въ царствованіе Александра были открыты только три академіи: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ; а Казанская, впредь до основанія новой академіи, въ 1818 г. была преобразована въ семинарію. Открытіе Казанской академіи послѣдовало только въ 1842 г. (1).

Главнымъ основаніемъ преобразованія духовныхъ училищъ была спеціализація преподаванія. Въ предположеніяхъ 1807 г. сказано напр. объ академіяхъ: „Духовныя академіи, не припинаясь въ поприщѣ, имъ предназначенномъ, первоначальнымъ и такъ сказать стихійнымъ обученіемъ наукъ грамматическихъ и историческихъ, займутъ въ наукахъ богословскихъ и философскихъ пространство, имъ приличное и станутъ на чредѣ просвѣщенія, свойственнаго высшему духовному образованію (2)“.

Послѣ этого понятно сказанное архимандритомъ Ѳеоѳаномъ, ректоромъ семинаріи, преобразованной изъ академіи, въ день открытія новой семинаріи 20 окт. 1818 г.: „И прежде сіи обители были училищами мудрости; Александръ первый хощетъ устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами Истины. И прежде изъ сихъ мѣстъ и другія сословія заимствовали свѣтъ познанія, Александръ первый хощетъ распространить въ нихъ тотъ свѣтъ, который во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ (3)“.

Обращаясь къ спеціальному военному образованію въ отношеніи къ Казани, должно указать, что въ

---

(1) «Исторія старой Казанской духовной академіи». А. Благовѣщенскаго, Каз. 1876 г. стр. 5, 197, 198.

(2) Кратк. Истор. Зап. о Каз. дух. сем. Каз. 1869, стр. 34.

(3) Каз. Изв. 1818, № 36.

1805 г. былъ Высочайше утвержденъ планъ военнаго воспитанія. По этому плану военное воспитаніе молодыхъ дворянъ должно было начинаться въ губернскихъ военныхъ училищахъ и оканчиваться въ С.-Петербургѣ въ двухъ высшихъ кадетскихъ корпусахъ. Военныя училища предполагалось открыть въ 10 губернскихъ городахъ въ томъ числѣ и въ Казани, но этотъ планъ не осуществился ([1]). Можно только по поводу этого плана замѣтить, что и для военнаго воспитанія Казань была указана, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами, какъ центральный пунктъ. Такимъ образомъ видимъ постоянно централизацію въ Казани по дѣламъ управленія и просвѣщенія, что, какъ извѣстно продолжается и до настоящаго времени, все болѣе и болѣе увеличивая значеніе города Казани.

На этомъ я останавливаюсь. Избирая предметъ, приличный для настоящаго торжественнаго дня, я остановился на мѣстной исторіи, значенію которой придаю особенную важность. Разработка мѣстной исторіи составляетъ важнѣйшую задачу современной русской исторіографіи, только послѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ по изученію судебъ Россіи въ различныхъ ея областяхъ, возможно ожидать вполнѣ удовлетворительной общей русской исторіи. Особенно на насъ провинціальныхъ ученыхъ лежитъ обязанность разработки мѣстной исторіи, этнографіи, статистики и т. п.

Я схожу съ этой каѳедры въ полномъ убѣжденіи, что если въ другихъ центрахъ Русской земли вспоминаютъ нынѣ Александра, то эти воспоминанія соединяются съ благодарностью. Казанскій университетъ, обязанный Александру своимъ рожденіемъ, спасеніемъ и обновленіемъ, изъявляя чувства своей благодарности, вторитъ всей Русской землѣ!

([1]) «Сборн. свѣдѣній о военно-учебн. завед. въ Россіи» Мельницкаго т. I. часть 2.

НКП РСФСР

Цѣна 40 копѣекъ.